

ГЛАВА 2. МАЙ I

1

– Рей-тян. Доброе утро.

Должен признать, звучало сперва миленько; однако чем больше я слушал этот пронзительный голос, тем неуютнее от него становилось. Не знаю, о чем эта тварь думала, но когда тебя в такую рань так энергично будят – это реальный геморрой.

– Рей-тян. Доброе утро, Рей-тян.

Рей-тян – это твое имя вообще-то. ...Но, разумеется, мое раздраженное бурчание никакого эффекта не произвело. Потому что его адресатом был не человек, а птица.

Майна, которую держали бабушка с дедушкой.

Бабушка сказала, что, судя по маленькому размеру, это, предположительно, самка. Звали птицу Рей-тян, и ей было – тут идет еще одно «предположительно» – года два. Позапрошлой осенью бабушка с дедушкой ее просто так вдруг взяли и купили в зоомагазине.

Квадратная клетка, в которой она (...предположительно) жила, стояла на краю крыльца, обращенного в сад. По-видимому, это была особая клетка для майн, сооруженная из толстых бамбуковых прутьев.

– Доброе утро, Рей-тян. Доброе утро...

6 мая, среда, утро.

Я проснулся просто ужасно рано – в шестом часу.

За десять дней, проведенных в больнице, в меня хорошо въелся режим «рано ложиться, рано вставать», но все равно, не в пять же утра. Накануне я лег за полночь, а для пятнадцатилетнего подростка, пытающегося быть здоровым, недосып – это просто ужасно.

«Еще часок покемарю», – с этой мыслью я снова закрыл глаза. Сомневаясь, впрочем, что мне удастся заснуть. В итоге через пять минут я сдался, выбрался из постели и прямо в пижаме отправился в ванную.

– О, Коити-тян, как ты рано сегодня!

Бабушка вышла из своей комнаты, когда я умылся и почистил зубы. Она оглядела меня с головы до ног и с немного встревоженным видом спросила:

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Отлично. Просто рано проснулся, только и всего.

– Ну хорошо тогда. Ты только не перенапрягайся.

– Ну я же говорю, все отлично.

Я небрежно улыбнулся и постучал себя по груди. И –

Это случилось, как только я вернулся в свою спальню (она же мой кабинет) на втором этаже, раздумывая, как бы убить время до завтрака. Мой мобильник, который я оставил на столе заряжаться, вдруг зазвонил.

Кто это? В такую рань...

Мое недоумение длилось лишь миг. Столь гнусное время для того, чтобы позвонить мне, способен выбрать лишь один человек.

- Эй, привет. Как жизнь?

Едва взяв телефон, я услышал жизнерадостный голос, принадлежащий, как я и ожидал, отцу.

- Тут, в Индии, два часа ночи. И жара страшная.

- Что случилось?

- Да ничего не случилось. Ты ведь сегодня в первый раз идешь в школу? Вот, решил позвонить, тебя подбодрить. Скажи спасибо.

- А, ага.

- Как у тебя дела в смысле самочувствия? Ты достаточно отдыхаешь после выписки? Ведь...

Посреди фразы его голос вдруг захрипел и стал совершенно неразборчивым. Я кинул взгляд на ЖК-дисплей – индикатор уровня сигнала показывал одну полосу. И даже она то гасла, то появлялась.

- ...Ты слушаешь, Коити?

- Погоди. У меня тут плохой сигнал.

Еще отвечая, я вышел из комнаты, потом принялся бродить по дому в поисках места, где сигнал был бы лучше... и нашел в итоге у выхода на крыльцо, где стояла клетка майны Рей-тян.

- В смысле самочувствия все отлично. Можешь не волноваться, – ответил я на предыдущий вопрос и открыл стеклянную дверь, ведущую на крыльцо. Я еще в день выписки позвонил отцу и рассказал, что со мной случилось и как меня лечили.

- Да, а почему ты звонишь в такую рань? Здесь всего полшестого.

- Ты же наверняка нервничаешь перед первым походом в новую школу. И вдобавок еще не до конца отошел от болезни. Поэтому ты рано встал – угадал?

Блин, он хорошо меня знает.

- Просто ты такой. Стараешься казаться сильным, но на самом деле ты очень чувствительный. Это ты в отца пошел.

- Ты хотел сказать, в маму?

- Ну, может быть, но... – тон отца немного изменился, потом он продолжил: – Что касается этого твоего пневмоторакса, не думай о нем больше, чем нужно. Я не думал, когда был

молодым.

- Что?.. Не думал? Я про это от тебя раньше не слышал.

- Я упустил возможность поделиться с тобой полгода назад. Не хотел выслушивать, что это наследственное, и так далее.

- ...А это наследственное?

- Мой второй приступ случился через год после первого, но затем рецидивов не было. Так что если оно действительно наследственное, то теперь тебе беспокоиться не о чем.

- Было бы неплохо.

- Это легочная болезнь. Теперь тебе придется бросить курить.

- Я не курю!

- В любом случае - просто скажи себе, что третьего раза не будет, и держи хвост пистолетом! А... ну, правда, все равно не очень перенапрягайся.

- Знаю, знаю. Не буду.

- Отлично. Передавай привет бабушке с дедушкой. В Индии такая жара!

На этом разговор закончился. Протяжно выдохнув, я вышел в дверь, которую открыл раньше, и сел на крыльцо. И тут же Рей-тян, словно поджидавшая этого момента, снова завела ту же песенку.

- Доброе утро, Рей-тян. Доброе утро.

Я лениво глядел по сторонам, не обращая на нее внимания.

Живая изгородь из цветущих красных азалий в утреннем тумане была такой красивой. В саду был небольшой прудик; я слышал, раньше дедушка держал там карпов кои, но сейчас ни одной рыбы видно не было. Похоже, за прудиком толком никто не ухаживал. Вода была мутная, грязно-зеленая.

- Рей-тян. Доброе утро, Рей-тян.

Майна гнула свою линию так настойчиво, что в конце концов достала меня, и я ответил:

- Понял, понял. Доброе утро, Рей-тян. Ты с самого утра бодрее некуда.

- Бодрее. Бодрее, - она (...предположительно) продолжила выдавать свой репертуар человеческих слов. - Бодрее... давай бодрее.

Конечно, все это вовсе не было каким-то грандиозным событием, разговором человека и птицы. Но все равно мне захотелось улыбнуться.

- Угу. Спасибо, - ответил я.

Накануне я после ужина беседовал с Рейко-сан.

Она использовала в качестве кабинета и спальни уютный домик на заднем дворе и часто уединялась там, вернувшись с работы, но, конечно, не каждый день. В тот вечер, когда у меня случился пневмоторакс, например, она смотрела телек в гостиной. Однако всей семьей мы собирались за ужином ровно ноль раз.

- Ну что, хочешь узнать про «Семь тайн Северного Ёми»?

Мой первый день в школе (дубль два) должен был начаться завтра, сразу после выходных, и Рейко-сан, конечно, это знала. Думаю, она не забыла обещание, которое дала мне, когда пришла навестить меня в больницу.

- Я ведь уже сказала, что в Северном Ёми всё немного по-другому, да?

- Ага, ты говорила.

Бабушка, закончив прибираться после ужина, сделала нам кофе. Рейко-сан пригубила (у нее был черный) и продолжила:

- Ну что? Хочешь узнать?

Глядя на меня через стол, она слабо улыбнулась. Как всегда, я нервничал, хоть и старался держаться спокойно, однако принял вызов.

- Э... ага. Но, это, вряд ли будет очень прикольно узнать их все разом.

Она сказала, что в Северном Ёми «немного по-другому», но, скорее всего, это просто мелкие отличия в одних и тех же байках. Где-нибудь в школе есть лестница, у которой появляется лишняя ступенька, или пропадает одна, или гипсовые бюсты в кабинете рисования вдруг начинают плакать кровавыми слезами, или еще что-нибудь в том же духе.

- Хотя бы одну или две для начала.

Я подумал, что, если буду их знать, это поможет мне завязать разговор с новыми одноклассниками.

- Ладно, тогда я тебе расскажу ту, которую узнала раньше всего, очень давно. Для начала.

И Рейко-сан рассказала мне «таинственную историю» про сарайчик для животных, расположенный за спортзалом.

Однажды утром кролики и морские свинки, которых там держали, вдруг исчезли. Дверь сарая была сломана, внутри обнаружались громадные пятна крови. Школа связалась с полицией, которая подняла большой шум, но ни исчезнувших животных, ни виновника так и не нашла. Сарайчик вскоре снесли, но на его месте иногда появляются забрызганные кровью кролики и морские свинки (или их призраки?).

- В этой истории есть одна странная деталь, - с серьезным видом продолжила Рейко-сан. - Исследовав кровавые пятна, оставшиеся в сарае, полиция установила, что кровь не принадлежала ни кроликам, ни свинкам. Это была человеческая кровь. Четвертая группа, резус-отрицательная.

Услышав это, я невольно прошептал:

- Уаа. А поблизости никого не было, кто сильно поранился? Или пропал?

- Абсолютно никого.

- Хмм.

- Ну что, разве не загадочно?

- Хмм. Но с этой деталью история больше похожа на детективную, чем на «про призраков». У нее, может, есть реальная разгадка.

- Кто знает.

Затем Рейко-сан выполнила второе свое обещание и рассказала мне несколько «Основных принципов Северного Ёми».

Номер один: если ты на крыше школы и слышишь воронье карканье, то, возвращаясь, должен шагнуть на лестницу левой ногой.

Номер два: когда учишься в третьем классе, нельзя падать на дороге, идущей с холма от задних ворот школы.

Эти два пункта смахивали на древние суеверия. Если нарушишь №1 и шагнешь не левой ногой, то в течение месяца поранишься. Если нарушишь №2 и упадешь на холме, то завалишь экзамены в старшую школу. Так всех предупреждали.

Однако «номер три» нарушил традицию и оказался неприятно реалистичным.

- Ты обязан подчиняться любому решению класса, - произнесла Рейко-сан все с тем же серьезным выражением лица. - В школе К**, куда ты ходил в Токио, довольно либеральные порядки, хоть это и частная школа-эскалатор, верно? Там ценятся стремления каждого отдельного ученика. В захолустных муниципальных школах, таких как Северный Ёми, все наоборот. Важен не сам человек, а то, как он взаимодействует с коллективом. Поэтому...

Поэтому, фактически, даже если что-то кажется мне неправильным, я должен стиснуть зубы и делать, как все? Ну, это не так уж трудно. Иногда я и в старой школе так поступал, в той или иной мере...

Я чуть опустил голову и поднес чашку с кофе к губам. Рейко-сан продолжила говорить, по-прежнему с серьезным лицом. Четвертый основной принцип Северного Ёми...

- Коити-тян!

Жизнерадостный голос бабушки прервал мои тихие размышления.

Я сидел на крыльце, обняв колени, по-прежнему в пижаме. Просто сидеть, подставляя себя спокойному утреннему воздуху и ласковому солнечному свету, было так приятно, что я чуть не пустил корни.

- Коити-тян, пора завтракать!

Судя по голосу, она стояла у лестницы внизу и звала, обращаясь на второй этаж.

Пора завтракать... что, уже? Я глянул на настенные часы. Было почти семь... стоп, сколько? Я

что, целый час тут торчал, уставившись в пространство? Да что со мной?

- Пора кушать, Коити.

Это произнес уже не бабушкин голос, а скрипучий голос деда. И где-то совсем рядом.

Я вздрогнул и обернулся.

Голос доносился из комнаты на восемь татами[1], отделенной от крыльца раздвижной дверью. Я совершенно не заметил, как дедушка туда вошел. Когда я осторожно открыл дверь, он сидел перед установленным там буддистским алтарем, одетый в тонкую коричневую кофту поверх пижамы.

- О. Доброе утро, дедушка.

- Да, да. Доброе утро, - медленно ответил он. - Сегодня ты тоже идешь в больницу, Коити?

- Меня выписали уже, дедушка. Сегодня я в школу иду. В школу.

- Оо, в школу. Конечно же.

Дедушка был очень низенький и щуплый; когда он сидел на полу, сгорбившись, то смахивал на морщинистую обезьянку, украшающую алтарь. Ему совершенно точно было за семьдесят. В последние два-три года он сильно сдал и практически во всем начал проявлять признаки старческого слабоумия.

- Коити, ты ведь в средней школе, да?

- Да, в третьем классе. На следующий год пойду уже в старшую.

- Хоо. Интересно, как у Ёске-куна дела идут.

- Он сейчас в Индии. Он звонил недавно, у него все, как обычно.

- Самое главное - это здоровье. Если бы только бедная Рицко не...

Неожиданно упомянув маму, он поднес руки к глазам и утер слезы. Неужели он так ярко помнит смерть своей дочери, случившуюся пятнадцать лет назад? Такое, возможно, со стариками часто бывает; я же понятия не имел, что тут можно поделаться, - мне-то мамино лицо было знакомо только по фотографиям.

- А, вот ты где.

Наконец бабушка спасла меня.

- Коити-тян, пора завтракать. Почему бы тебе не пойти переодеться и не собрать вещи?

- А, ага. ...А где Рейко-сан?

- Она уже ушла.

- Понятно. Рано она.

- Она очень прилежная девочка.

Я встал и закрыл стеклянную дверь, ведущую на крыльцо.

- Коити-тян, сегодня я тебя отвезу, - сказала бабушка.

- Эм. Не, ну это уже...

Я успел посмотреть, как добираться до школы. Она была неблизко - пешком идти почти час, - но если я поеду на автобусе, то управлюсь за 20-30 минут.

- Сегодня у тебя первый день, и потом, ты еще поправляешься. ...Правильно, дед?

- А? Аа, да, конечно.

- Но...

- Не нужно стесняться. Ну, давай, быстренько приготовься. И позавтракать не забудь.

- ...Хорошо.

Я ушел с крыльца, прихватив отложенный в сторону телефон. Майна, уже довольно давно сидевшая тихо, вдруг пронзительным голосом крикнула:

- Почему? Рей-тян. Почему?

3

Руководителем класса 3-3 был Кубодера-сэнсэй - мужчина средних лет, учитель японского. Его можно было бы счесть мягким (потому что он казался мягким), а можно - ненадежным (потому что ненадежным он тоже казался).

Когда я зашел в учительскую, чтобы представиться, Кубодера-сэнсэй оторвал глаза от лежащих перед ним бумаг и глянул на меня.

- Ты отлично учился в предыдущей школе, Сакакибара-кун. Получать такие оценки в средней школе К** не так-то просто.

Конечно, это была наша первая встреча, но с чего бы это ему так благосклонно говорить со школьником? Вдобавок он за все это время ни разу не посмотрел мне прямо в глаза. Я почувствовал себя малость не в своей тарелке, но постарался не уступить ему в вежливости.

- Большое спасибо, - ответил я. - Я польщен.

- Ты уже полностью поправился?

- Да, спасибо.

- Уверен, там, где ты учился раньше, все было немного по-другому, но, надеюсь, ты подружишься с ребятами. Здесь, конечно, простая муниципальная школа, но у нас нет проблем с насилием и плохим поведением, как часто представляют себе люди. Так что на этот счет можешь не беспокоиться. Если будут какие-либо проблемы, дай мне знать. Не стесняйся. Можешь обращаться ко мне или, разумеется, к моему помощнику, - взгляд Кубодеры-сэнсэя обратился на молодую женщину, которая все это время стояла рядом с ним и следила за нашим разговором, - Миками-сэнсэй.

– Хорошо, – кивнул я, чувствуя, что волнуюсь. Для школы отец купил мне новенькую форму (срок службы: один год), но она еще не обмялась и потому, естественно, жала. – Очень рад познакомиться.

Мой голос выдавал, что я нервничаю, но все же я вежливо поклонился Миками-сэнсэй, учительнице рисования. Миками-сэнсэй тепло улыбнулась.

– Взаимно.

– А, ага.

На этом разговор прервался, и повисло молчание.

Учителя время от времени обменивались взглядами, будто пытаюсь прочесть что-то друг у друга на лицах, потом одновременно открыли рот, точно хотели сказать что-то – ну, так показалось. Но именно в этот момент прозвенел предварительный звонок, и они закрыли рты, словно возможность была упущена. Ну, так тоже показалось.

– Итак, пойдём? – Кубодера-сэнсэй взял классный журнал и встал. – Утренний классный час начинается в восемь тридцать. Надо познакомить тебя с одноклассниками.

4

Отведя меня к двери класса 3-3, учителя снова переглянулись и открыли рты, чтобы сказать что-то (ну, так показалось); однако на этот раз прозвенел основной звонок. Нарочито кашлянув, Кубодера-сэнсэй открыл дверь.

Гул голосов в классе звучал, как радиопомехи. Шаги, шаги, отодвигаемые и придвигаемые стулья, открываемые и закрываемые сумки...

Кубодера-сэнсэй вошел первым, потом взглядом пригласил меня, и я шагнул в класс. Миками-сэнсэй зашла последней и встала рядом со мной.

– Доброе утро, класс.

Кубодера-сэнсэй раскрыл журнал, положил на кафедру и медленно прошелся по классу взглядом, проверяя, кто на месте, кого нет.

– Вижу, Акадзава-сан и Такабаяси-кун сегодня отсутствуют.

Похоже, здесь не практиковалась церемония «встать-поклон-сесть». Еще одно отличие между частной и муниципальной школами? Или просто местный обычай?

– Все пришли в себя после Золотой недели? Сегодня начнем с того, что познакомимся с новеньким.

Гул постепенно утих, в классе установилась тишина. Кубодера-сэнсэй, стоя за кафедрой, показал на меня. «Давай», – тихо сказала Миками-сэнсэй.

Ощущать на себе взгляды всего класса было почти болезненно. Я быстро окинул кабинет взглядом; ребят было человек тридцать... но какие-то еще выводы делать было некогда – я двинулся к возвышению. От напряжения стягивало грудь. И трудно было дышать. Я готовился к чему-то такому, но подобные ситуации очень вредны для нервной системы подростка, всего лишь на прошлой недели избавившегося от легочной болезни.

- Ээ... рад познакомиться.

Потом я представился своим новым одноклассникам в черных пиджаках со стоячими воротниками и темно-синих блейзерах. Кубодера-сэнсэй выписал мое имя на доске.

Коити Сакакибара.

Мое сердце охватило чувство настороженности. Я сам признавал, что меня трясет совершенно позорно, но изо всех сил пытался понять настроение класса. ...Пока что никаких тревожных сигналов я не ощущал.

- Я переехал в Йомияму из Токио в прошлом месяце. Отец занят по работе, поэтому я какое-то время буду жить здесь с бабушкой и дедушкой...

Рассказывая о себе, я мысленно гладил себя по груди, чтобы расслабиться.

- Я должен был начать заниматься с двадцатого апреля, но вроде как заболел, и меня положили в больницу... Но сегодня я наконец смог прийти. Это... рад встрече с вами.

Может, мне сейчас полагается рассказать про свои хобби, или про сильные стороны, или про любимого актера, или еще что-нибудь подобное. Нет, я точно должен поблагодарить всех за цветы, которые мне принесли в больницу. Однако пока я это все обдумывал -

- Так, ладно. Ребята... - Кубодера-сэнсэй заговорил почти сразу, как только я замолчал. - Я хочу, чтобы с сегодняшнего дня вы хорошо ладили с Сакакибарой-куном как с новым членом класса три-три. Уверен, многое для него будет непривычно, и я хочу, чтобы вы помогли ему освоиться. Мы все должны помогать друг другу, и тогда ваш последний год в средней школе пройдет хорошо. Каждый из нас сделает то, что должен. И тогда в марте будущего года каждый ученик этого класса закончит учебный год в добром здравии...

Речь Кубодеры-сэнсэя звучала так, как будто в ее конце предполагалось хоровое «аминь». От нее у меня почему-то мурашки побежали по спине. Все остальные в кабинете слушали очень внимательно.

Вдруг я увидел за первой партой знакомое лицо. Это был один из старост, пришедших ко мне в больницу, Томохико Кадзами.

Когда наши взгляды встретились, Кадзами улыбнулся мне немного неловко. Мне вспомнилась влага на его ладони, когда мы обменялись рукопожатием в палате, и я машинально сунул правую руку в карман.

А где вторая, Юкари Сакураги? Но как только этот вопрос всплыл у меня в голове, Кубодера-сэнсэй произнес:

- Так, Сакакибара-кун, твое место будет вон там, - и указал на одну из парт.

Это была третья с конца парта в левом со стороны кафедры (ближнем к коридору) ряду. Она была свободна.

- Хорошо, - я коротко поклонился и направился на свое место. Поставил сумку рядом с партой и, сев, снова оглядел класс, на этот раз с новой точки.

Лишь тогда я наконец увидел. Увидел ученицу, сидящую за самой последней партой правого со

стороны кафедры (ближнего к окнам, выходящим на школьный двор) ряда.

Когда я смотрел спереди, солнечный свет из окон создавал именно в том месте странную засветку. Потому-то я ее и не увидел тогда, подумалось мне. Правда, от перемещения засветка особо не поменялась, но все-таки я разглядел, что там стоит парта и за ней кто-то сидит.

Несмотря на ассоциации, обычно возникающие при словах «яркий свет», мне он показался каким-то угрожающим, хотя я сам не очень понимал, почему. Он поглотил половину фигуры девушки, так что она казалась мне лишь тенью с размытыми краями. Тьма, кроющаяся в сердце света... такая мысль у меня тоже мелькнула.

Находясь чуть ли не в трансе от предчувствия, надежды и вспышки легкой боли одновременно, я несколько раз моргнул.

С каждым разом контуры тени становились все отчетливее. Свет тоже потихоньку становился не таким ярким, и наконец я смог рассмотреть фигуру совершенно отчетливо.

Это была она.

Девушка с повязкой на глазу, которую я встретил в больничном лифте. Девушка, которая ушла по сумрачному коридору второго подвального этажа совершенно беззвучными шагами...

– ...Мей... – прошептал я настолько тихо, что меня никто не услышал. – Мей... Мисаки.

5

После короткого, всего на десять минут, классного часа Миками-сэнсэй покинула класс, а Кубодера-сэнсэй остался за кафедрой, потому что первым уроком был как раз его предмет.

У меня заранее сложилось впечатление, что уроки японского с Кубодерой-сэнсэем будут скучными, и так оно и вышло. Он по-прежнему говорил вежливым тоном, и его объяснения легко было понимать, но как-то это все было беззубо, что ли, монотонно... в общем, тоска.

Но, разумеется, я не мог в открытую показывать, что мне скучно. Это произвело бы ужасное впечатление. И на учителя, и, возможно, на учеников.

Сражаясь с крепко вцепившейся в меня сонливостью, я воткнулся взглядом в новенький учебник.

Неинтересный фрагмент рассказа литературного гения XIX века. Пока мои глаза бежали по тексту, голова была наполовину занята романом Стивена Кинга, который я начал читать; я пытался предугадать, как будут развиваться события, хотя, конечно, это было дело безнадежное. Блин, что же случится с Полом Шелдоном, популярным писателем, захваченным своей свихнувшейся фанаткой?[2]

Урок Кубодеры-сэнсэя так и тянулся. Однако класс держался очень тихо – это совершенно не вязалось с образом «муниципальной средней школы», создавшимся у меня в голове. Может, это безосновательное предубеждение, но – как бы это выразить словами? Я ожидал, что атмосфера будет поживее.

При этом непохоже было, чтобы все всерьез сосредоточились на учебе. Никто не шептался, да, но, оглядевшись, я увидел, что несколько человек рассеянно смотрят в пространство, а некоторые клюют носом – возможно, засыпают. Были и те, кто втихаря читали журнальчики

или рисовали что-то. Кубодера-сэнсэй не походил на человека, который будет отчитывать за малейшую провинность... но все-таки.

Интересно, что же это.

Класс наполняла тишина, более глубокая, что ли, чем необходимо... Нет, не тишина. Неловкость формальной ситуации, быть может? Да, это, и еще странное напряжение... вот такое примерно ощущение.

В чем же дело?

Неужели?

Неужели причиной является чужеродное тело, объявившееся в классе сегодня (иными словами, некий ученик, переведшийся из Токио)? И это напряжение в классе... Не, такие мысли – просто чересчур сильная заикленность на самом себе.

...А что она?

Мей Мисаки.

Меня внезапно уколола эта мысль, и я кинул взгляд на ту парту.

Там она сидела, подперев голову рукой и лениво глядя в окно. Я тут же отвел глаза, поэтому чего-то большего понять не смог. Поскольку я смотрел против солнца, то увидел вместо человеческой фигуры лишь расплывчатую тень.

6

Следующие уроки производили более-менее такое же впечатление. Были мелкие различия – другой предмет, другой учитель, – но, как бы сказать... за всем этим проглядывало что-то общее.

Странная тишина, наполняющая класс, формальная неловкость, напряжение... Да, что-то такое.

Я не мог сказать ничего определенного, не мог ткнуть пальцем в конкретного человека, ведущего себя конкретным образом. Но ощущение такое точно было.

Словно кто-то (а может, все?) поглощен какими-то мыслями, например. Может, даже не осознавая этого? В этого человека (этих людей?), возможно, беспокойство въелось настолько глубоко, что они даже не замечают его... Нет, нет. Гораздо вероятнее, что все это я напридумывал, все это мне кажется. В смысле – я, наверно, скоро привыкну и тоже перестану что-либо замечать.

На переменах несколько одноклассников перекинулось со мной словами. Всякий раз, когда меня окликали – «Сакакибара!», «Сакакибара-кун!» – я внутренне дергался и готовился к худшему, но все же мне удавалось реагировать спокойно, дружелюбно и безобидно. По крайней мере мне так казалось.

– Ты как, уже поправился от той фигни, из-за которой угодил в больницу?

Ага. На все сто.

- Где лучше, в Токио или тут?

Не знаю. Не такая уж большая разница, честно.

- В Токио наверняка клево. Не то что в дыре вроде Йомиямы, да?

Токио – это Токио. Там есть много чего не очень-то клевого. Везде полно народу, на улицах всегда толпы. Он никогда не успокаивается...

- Наверно, чтобы так думать, надо реально там жить.

Мне уже почти кажется, что здесь лучше, потому что настолько тише и спокойнее. И такая природа.

Когда я им сказал, что в Йомияме лучше, чем в Токио, половина меня действительно считала так, а вторая половина пыталась убедить себя в этом.

- Так твой батя – профессор в универе? И сейчас занимается наукой где-то за границей?

А ты откуда знаешь?

- Нам Кубодера-сэнсэй рассказал. Так что все знают.

О. А о школе, куда я раньше ходил, он тоже рассказал?

- Мы все всё знаем. Это Миками-сэнсэй придумала послать тебе цветы, когда ты лежал в больнице.

Правда?

- Блин, какая жалость, что не Миками-сэнсэй наша классная. Она красивая, и шикарно одевается, и... эй, ты что, не согласен?

Эмम्म, да я не знаю...

- Слушай, Сакакибара-кун...

Знаешь, отец уехал в Индию на целый год. Этой весной.

- В Индию? Наверняка там еще жарче, чем здесь.

Ага, он говорил, там страшно жарко.

Посреди этих разговоров меня время от времени охватывало странное волнение, и я начинал искать взглядом Мей Мисаки. Судя по всему, она каждый раз вставала из-за своей парты сразу, как только урок кончался. Но я ее не только там, но и вообще в классе не видел. Она что, на каждой перемене выходит куда-то?

- Тебя что-то беспокоит? У тебя глаза бегают.

Не... ничего.

- От конспектов, которые я тебе в больницу принес, был прок?

А, ага. Спасибо огромное.

- Хочешь, на большой перемене покажу тебе, где тут что? У тебя будет уйма проблем, если ты таких вещей знать не будешь.

Это мне предложил парень по фамилии Тэсигавара. По здешним правилам во время занятий ученики должны носить именные бейджики, так что мне хватало взгляда, чтобы понять, кого как зовут; представляться не было необходимости. Тэсигавара подошел ко мне вместе с Томохико Кадзами – похоже, они дружили.

- Хорошо, спасибо большое, – ответил я и кинул небрежный взгляд на парту Мей Мисаки. Следующий урок должен был вот-вот начаться, но ее все еще не было. И...

Лишь тут я заметил нечто странное.

Ее парта, задняя в ряду у окон, была совершенно не такой, как все остальные парты в классе. Она была невероятно старой.

7

На большой перемене я задавил голод стремительной атакой.

Народ повсюду кучковался – мальчишки между собой, девчонки между собой – все сдвигали парты и обедали вместе; однако я не смог заставить себя присоединиться к какой-нибудь из компаний и умял сготовленное бабушкой бэнто[3], будто участвовал в конкурсе по скоростному поеданию пищи.

Когда нашлось время подумать, до меня дошло вдруг, что я впервые в жизни ем в школе домашнее бэнто. В старой школе я ел покупные обеды, и даже когда были какие-то мероприятия вроде школьных экскурсий или дней физкультуры, само собой подразумевалось, что обед будет куплен в магазине. Так было и в начальной школе. Ни разу отцу не пришла в голову гениальная идея, что было бы очень мило с его стороны самому приготовить что-нибудь для растущего без матери сына.

И потому бэнто, приготовленное руками бабушки, меня действительно тронуло.

Спасибо огромное, ба. Было очень вкусно. Как всегда, я мысленно склонялся перед пустой коробочкой, изливая всю свою благодарность.

Стоп, погодите-ка.

Я оглядел класс.

Где Мей Мисаки?

Как она проводит большую перемену?

- Сакакибара! – вдруг раздался голос у меня за спиной.

И одновременно кто-то хлопнул меня по плечу. Я напрягся сильнее, чем за весь сегодняшний день раньше. Без какой-то особой причины я убедил себя: «Что, все-таки начинается?» – и обернулся, готовый к этому, но...

Там стоял Тэсигавара. И Кадзами рядом с ним. И в их лицах не было враждебности. Я, конечно, тормоз, что так поздно это понял; невольно меня охватило раздражение по поводу собственной нервозности.

- Как обещали, - сказал Тэсигавара. - Экскурсия по школе.

- А... точно.

По правде сказать, я считал, довольно цинично, что им вовсе не обязательно утруждать себя экскурсиями. Просто когда мне понадобится куда-то пройти, я спрошу, где это находится, только и всего. Но не мог же я отмахнуться от любезности своих новых одноклассников. В общем, нечего тут изображать страдальца...

Мы втроем вышли из кабинета класса 3-3.

8

Тэсигавара и Кадзами были, на взгляд, странной парой.

Кадзами - весь такой серьезный, типичный староста; Тэсигавара, напротив - рубаха-парень, несмотря на аристократическую фамилию[4]. Волосы его были выкрашены в коричневый цвет, пара верхних пуговиц на пиджаке расстегнута. Но, несмотря на такую внешность, он совершенно не производил впечатления хулигана.

Когда я спросил, они рассказали, что учились вместе с третьего класса начальной школы. И их семьи тоже жили рядом.

- Когда мы были мелкими, мы все время шлЯлись и прикалывались вместе. А потом этот вот тип стал весь из себя правильный, перестал вытворять всякое такое...

Тэсигавара язвил над Кадзами с широкой ухмылкой, а тот особо не протестовал. Тэсигавара даже говорил что-то про «рад бы избавиться, да не выходит», но, эй! ты думаешь, глядя на вас, в это можно поверить? В общем, так продолжалось и продолжалось, и в конце концов я тоже стал получать кайф от их разговора.

Мне всегда плохо удавалось ладить с людьми вроде Тэсигавары, которые с первой встречи ведут себя так, будто сто лет тебя знают. Впрочем, это не значит, что меня тянет к «всем из себя правильным» вроде Кадзами. Но - в общем, я решил не выдавать свои чувства, насколько смогу.

Через год, когда отец вернется в Японию, я снова перееду в Токио. До тех пор хотелось бы по возможности поддерживать со всеми в этой школе нормальные отношения. Это мой первый приоритет здесь, в Йомияме.

- Кстати, Сакакибара! А ты веришь в привидения, проклятья, всякое такое?

Вопрос прилетел совершенно внезапно; я смог лишь склонить голову набок и ответить «хааа?».

- Ну, в смысле, эти...

- Привидения? Проклятья?

- Вообще, что собой представляют так называемые паранормальные явления? - вмешался Кадзами. - Я сейчас не имею в виду только привидения. Всякие НЛО, сверхспособности, предсказания Нострадамуса... Как ты считаешь, существуют ли в реальности такие загадочные штуки, которые современная наука не может объяснить?

- Ну, если так задавать вопрос... - я взглянул на Кадзами; тот смотрел настолько серьезно,

что мне аж неуютно стало. – Думаю, в целом, я такие вещи не воспринимаю всерьез.

– Совсем? Ничего и никогда?

– Дай подумать... В общем, по крайней мере вещи на уровне «Семи тайн» – совсем.

Я понятия не имел, почему наш разговор свернул в эту сторону, но у меня возникло ощущение, что они собираются мне рассказать эти истории. Я подумал, что могу и сыграть на опережение.

– Я уже слышал байку про бойню кроликов и морских свинок.

– А про «руку в лotosовом пруду»?

Это уже спросил Тэсигавара.

– Ха, у вас тут тоже есть такая история?

– Дак это вон тот пруд, – ткнул пальцем Тэсигавара. Я увидел в сторонке маленький квадратный пруд с забетонированными бортиками.

Выйдя из трехэтажного панельного здания, где был наш класс, мы шли теперь по школьному двору.

По ту сторону двора виднелось еще одно здание похожего размера – «корпус В».

Тот корпус, из которого мы вышли, назывался «С». Оба корпуса крытыми проходами соединялись с «корпусом А» – главным зданием, где располагались, например, учительская и кабинет директора. Дальше было еще одно здание – «корпус для спецдисциплин»; еще его называли «корпус S». Как и намекало название, там были специально оборудованные кабинеты – домоводства, музыки и тому подобные.

Пруд, на который показывал Тэсигавара, находился чуть в стороне от двора. Мы прошли по дорожке до входа в корпус А, потом стали удаляться от него.

– Говорят, из этого пруда выползает человеческая рука, вся в листьях лотоса. Иногда еще и в крови.

Тэсигавара рассказывал историю устрашающим голосом, но все, о чем я мог думать, – «что за маразм». Вдобавок, он сказал, что это лotosовый пруд, но, когда мы подошли поближе, я увидел, что там росли кувшинки, а вовсе не лotosы.

– Ладно, оставим «Семь тайн» на другой раз, – предложил Кадзами. – Скажи, Сакакибара-кун. Есть ведь столько различных паранормальных явлений. Неужели ты категорически не признаешь их все?

– В общем, да, – пробормотал я, искоса глядя на поверхность воды с круглыми листьями кувшинок. – Слово «НЛО» означает «неопознанный летающий объект», и в этом смысле они существуют. Действительно ли это летающие тарелки, которыми управляют пришельцы, – другой вопрос. А насчет сверхспособностей – те типы, которые мелькают на экране и в журналах, – просто жулики, сто процентов. Тебе не кажется, что, когда ты их видишь, это только мешает поверить?

Кадзами и Тэсигавара переглянулись; лица у обоих были озадаченными.

- Предсказание Нострадамуса насчет Черного принца и что он там натворит должно исполниться в будущем году. Достаточно подождать еще год и пару месяцев, и мы узнаем, настоящий он или нет, даже если мы этого не хотим... Ну так что? Как вы думаете, он был прав?

Когда я задал этот вопрос, Кадзами вскинул голову и туманно ответил:

- Кто знает?..

Тэсигавара же произнес:

- Я вообще-то ему верю, - и натянуто ухмыльнулся уголком рта. - А раз летом девяносто девятого миру будет крышка, глупо париться по поводу экзаменов и прочей фигни. Делай, что нравится, пока можешь, - вот как надо жить.

Я не вполне понимал, насколько серьезно он это говорил, но после всей суматохи вокруг Аум Синрикё в конец света верит на удивление много народу среди моих сверстников. Я про это где-то читал.

Как-то глубоко никто про это не думает; люди просто используют предсказание конца света как повод отворачиваться от личных проблем, стоящих перед ними здесь и сейчас. Не помню, когда именно, но отец, как только услышал про теракт[5], сразу же дал это объяснение, и я с ним согласился.

- Вернемся к нашим барашкам... - снова заговорил Тэсигавара, когда мы прошли мимо кувшинкового пруда и направились к корпусу В с другой стороны. - Значит, ты совсем не веришь в привидения, проклятья и все такое, да?

- Ага.

- А вдруг что-нибудь случится такое, что ты согласишься?

- Нуу, если что-то вылезет прямо передо мной и ткнет мне в лицо доказательство, что оно привидение, - наверно, начну верить.

- Хех. Доказательство, значит?

- Доказательство, да? - это снова подключился Кадзами. Он прижал к переносице дужку очков в серебряной оправе и нахмурил брови.

Блин, ну что такое?

К чему они клонят? У меня начало появляться нехорошее предчувствие насчет этих двоих, и я невольно ускорил шаг.

- А это что? - я развернулся и снова посмотрел на них, показывая на здание, только что открывшееся взгляду из-за корпуса В. - Это тоже школьный корпус?

- Это нулевой корпус, так его все называют, - ответил Кадзами.

- Нулевой корпус?

- Потому что он очень старый. Раньше там учились третьи классы, это отменили лет десять назад. Отменили по многим причинам, ну... учеников стало меньше, соответственно, классов

тоже стало меньше. Судя по всему, буквами корпуса стали обозначать позже, поэтому старый корпус все называют нулевым...

«Старый корпус» реально выглядел более старым, чем остальные, которые я сегодня видел.

Это было массивное двухэтажное здание из красного кирпича. Но стены выцвели, и, приглядевшись, я увидел то тут, то там трещины. Окна второго этажа, где раньше находились классы, были все захлопнуты. Некоторые из них закрывали доски – видимо, там, где стекла побились.

Судя по тому, какой оборот принял наш разговор совсем недавно, это было идеальное место для зарождения всяческих слухов о призраках, духах, паранормальных явлениях и «Семи тайнах».

– Значит, сейчас его вообще не используют? – поинтересовался я, осторожно шагая вперед.

– Для обычных уроков – нет, – ответил идущий рядом со мной Кадзами. – Второй этаж заброшен, туда никого не пускают. Но на первом этаже – дополнительная библиотека, кабинет рисования и комната кружка культуры.

– У вас есть дополнительная библиотека?

– Ей почти никто не пользуется. Все, как правило, идут в главную библиотеку, которая в корпусе А. Я в дополнительной всего один раз был.

– И какие там книги?

– Документы по местной истории и редкие книги, которые дарят бывшие выпускники. По-моему, таких там очень много. Это вообще скорее не библиотека, а книгохранилище.

– Фмм.

Мне стало интересно. Не отказался бы как-нибудь туда заглянуть.

Потом меня внезапно посетила еще одна мысль.

– Здесь есть кружок рисования, да?

Кадзами ответил после заметной паузы:

– Да. Сейчас.

– «Сейчас»... в смысле?

– В прошлом году он не работал. Только в этом апреле открылся, – ответил Тэсигавара. – Кстати, его курирует красотка Миками-сэнсэй. Эх, были бы у меня хоть какие-нибудь способности к рисованию – клянусь, обязательно бы напросился к ней в кружок. ...Саакибара, а ты не хочешь вступить?

Я остановился и, развернувшись, посмотрел на крашеную шевелюру, потом наигранно пожал плечами. Тэсигавара явно не расстроился, его глаза улыбались.

Я снова пошел, и Тэсигавара опять окликнул меня, будто пытаюсь остановить.

- Эй, Сакакибара... Мы тебе кое-что -

Его перебило вырвавшееся у меня удивленное «о!». Потому что у меня вдруг перехватило горло.

Между корпусами 0 и В, куда мы направлялись, были роскошные клумбы. На некоторых из них буйно цвели желтые розы. И вот между цветами, покачивающимися под тихим весенним ветерком, я увидел ее - Мей Мисаки.

Не тратя на размышления ни секунды, я направился прямо к ней.

- Э, эй, Сакакибара!

- Ты что делаешь, Сакакибара-кун?

В голосах Тэсигавары и Кадзами слышалась нескрываемая тревога, но я не стал обращать внимания. Зашагал еще быстрее, уже почти что побежал.

Мей Мисаки в одиночестве сидела на лавочке позади большой клумбы, в тени дерева. Никого другого поблизости не было.

- П-привет, - обратился я к ней.

Она смотрела в пространство, будто раздумывая о чем-то, но на мой голос среагировала. Ее глаза - правда, левый скрывала белая повязка - взглянули на меня и остановились.

- Привет, - я небрежно махнул рукой, стараясь выглядеть непринужденно. - Тебя зовут... Мисаки-сан, да?

Я подошел к лавке, где она сидела. Мое сердце билось чаще, чем утром, когда я говорил о себе перед всем классом. И мне показалось, что дышать тоже сейчас было труднее.

- Мы же в одном классе, да? Три-три. Я, это, только сегодня перевелся...

- ...Почему?

Ее губы двинулись совсем чуть-чуть. Тот же голос, который я слышал в лифте в больнице, те же спокойные, отстраненные интонации.

- Почему? - повторила она. - Ничего, что ты? Ну, это.

- Ээ...

Я не понял ее вопросов. «Почему?», «Ничего, что ты?». Я был абсолютно без понятия, что она имела в виду, и мог лишь стоять столбом.

- Этооо, ну, в смысле...

Я пытался связать вместе хоть какие-то слова, чтобы продолжить разговор, но она отвернулась и молча встала с лавки. Лишь тогда я смог разглядеть именной бейджик, прикрепленный к блейзеру.

Светло-сиреневого цвета - это означает, что она в третьем классе. Бумага выглядела грязной и потрепанной, но это, может, мне только казалось; имя, во всяком случае, было выписано четко.

«Мисаки», как «видеть мыс»... Мей «Мисаки».

Я, как рыба, несколько раз молча открыл и закрыл рот, пытаясь сказать: «Мы недавно встречались в больнице», – но слова не выходили. Я все еще пытался, когда она коротко произнесла:

– Будь осторожен.

И повернулась ко мне спиной.

– П-погоди, – поспешно обратился я к ней, но она не оборачивалась.

– Будь... осторожен. Возможно, это уже началось.

После чего Мей Мисаки ушла, покинула тень дерева, где была лавка. А я стоял как вкопанный, в шоке.

И смотрел ей вслед.

Она шла к нулевому корпусу, потом скрылась в старом здании. Я огляделся, будто рывком возвратившись к реальности.

– Эй! Ты что делаешь, Сакакибара!

Этот возглас принадлежал Тэсигаваре.

– У нас сейчас физра. Раздевалка рядом со спортзалом. Нам лучше поторопиться, если хотим успеть.

Я обернулся; лицо Тэсигавары перекосило, словно он надел уродливую маску. Побледневший Кадзами рядом с ним безостановочно качал опущенной головой.

9

Физкультурой девчонки и мальчишки занимались отдельно.

Я сидел на лавке в тени дерева у северного края спортплощадки, по-прежнему в школьной форме. Доктор говорил, что физические нагрузки мне все еще противопоказаны. Поэтому, как я и сказал Тэсигаваре, мне торопиться было без особой надобности.

Я был единственным из парней, кто не занимался.

Все остальные в одинаковой белой спортивной форме наматывали круги по 400-метровой дорожке. Полуденное солнышко светило ласково, но по просторной площадке бежало всего человек десять или чуть больше. Пока я наблюдал за ними, меня вдруг охватило какое-то холодноватое ощущение.

Мне нравилось бегать – и на короткие дистанции, и на длинные. Заниматься на тренажерах и плавать тоже нравилось. Не любил я футбол, баскетбол... в общем, игровые виды спорта – совсем не мой конек.

«Хорошо бы сейчас пробежаться», – подумал я. Сделал несколько глубоких вдохов – и не почувствовал ничего такого неприятного в груди. От этого мне еще больше захотелось вскочить и присоединиться к остальным.

И в то же время что-то во мне вопило от ужаса. Как будто, стоит мне начать бегать и прыгать, и тут же в моих легких снова образуется дырка.

«Третьего приступа у тебя не будет». Так сказал отец, однако эти слова звучали не настолько убедительно, чтобы принимать их всерьез. Если я по глупости перетружусь, меня снова ждет весь тот кошмар, а этим я уже сыт по горло. Так что сейчас мне надо какое-то время просто расслабляться. Без вариантов.

Девчонки прыгали в длину в песочнице, которая была в западной части спортплощадки.

Я подумал, что смогу разглядеть там ее – Мей Мисаки. Прищурился, вгляделся – но они были слишком далеко, я никого не разобрал.

Если учесть, что у нее повязка на левом глазу, – может, она тоже сидит где-нибудь в сторонке. Тогда она, возможно, на одной из лавок неподалеку...

Я заметил кое-кого, кто вполне мог бы оказаться ей.

Одинокая фигурка в школьной форме стояла под деревом неподалеку от песочницы; это она?

Из-за большого расстояния я не мог понять, это Мей или нет.

И нельзя же весь урок паять на девчонок. Вдохнув, я сцепил пальцы за затылком и откинулся на спинку лавки. Зажмурился и тут же, словно наяву, услышал пронзительный голос майны Рей-тян: «Почему?»

Минут через пять-шесть.

– Ээ, Саакибара-кун.

Кто-то обратился ко мне.

Я удивился и вяло открыл глаза. В метре от меня стояла девушка в темно-синем блейзере.

Но это была не Мей Мисаки.

Вместо повязки у нее были очки в серебряной оправе. Волосы не коротко стриженные, а спадающие на плечи. Юкари Сакураги, староста класса.

– Ты освобожден от физкультуры, да?

Стараясь ничем не выдать легкого разочарования, охватившего меня, я ответил:

– Ага. Всего неделя как из больницы, ну и так далее. Врач сказал пока что не заниматься физрой и посмотреть, как я себя буду чувствовать. А ты тоже освобождена? Болееешь?

– Я вчера упала и подвернула ногу.

Юкари Сакураги опустила взгляд. Лишь после этого я заметил повязку на правой ноге, закрывающую колено и голень.

– Эээ... ты случайно не на холме за задними воротами упала? – полушутя спросил я. Сакураги улыбнулась, будто сбрасывая напряжение.

- Мне повезло, я упала в другом месте. Ты, значит, уже знаешь про этот сглаз, да?

- Ну да.

- Тогда... - начала было она, но я ее перебил:

- Хотел сказать тебе спасибо, что пришла тогда в больницу.

- О... да нет, ничего особенного.

- Не хочешь сесть?

Я встал, освобождая лавку для травмированной девушки. После чего сменил тему.

- Не скажешь, почему физрой не занимаются два класса сразу?

Эта мысль меня уже какое-то время занимала.

- Я думаю, это нормально, что если занимаются отдельно мальчишки и девчонки, как сейчас, то можно объединить два класса? Особенно в муниципальной школе? Ведь учителей же все равно двое, один для парней, второй для девчонок, и если класс один, то у каждого вдвое меньше учеников...

Во всяком случае, с таким количеством народу мы не сможем играть в футбол. Не то чтобы я особо тосковал по недоступной возможности.

- В других классах не так, - ответила Сакураги. - Классы один и два занимаются вместе, классы четыре и пять тоже. Только класс три занимается сам по себе.

- А почему именно три?

Я вполне понял ситуацию, раз уж третьих классов нечетное количество, но почему лишним оказался именно класс 3? Обычно ведь в такой ситуации выпадает класс 5?

- Ты на большой перемене был с Кадзами-куном и Тэсигаварой-куном? - на этот раз сменила тему уже она.

- Ну да. А что?

По-прежнему сидя на лавке, она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

- А они... тебе что-нибудь рассказали?

- Те двое?

- Да, они.

- Они провели меня по-быстрому по школе. Ну, вроде - смотри, это корпус А, за ним корпус S, там проходят спецзанятия - в таком ключе. И рассказали страшилку про пруд с лотосами.

- И все?

- Под конец мы подошли к нулевому корпусу, и они еще немного рассказали, что в этом старом здании.

- И это все?

- Вроде все, по-моему.

- ...Ох, - тихо выдохнула Юкари Сакураги и повесила голову, потом продолжила еще тише: - ...Надо сделать как следует, иначе Акадзава-сан рассердится...

Я разбирал лишь кусочки фраз, которые она шептала себе под нос. Акадзава-сан? Одного из учеников, которые сегодня не пришли в школу, точно звали Акадзава.

Сакураги медленно встала с задумчивым выражением лица. Я четко видел, как она подстраивает свои движения, чтобы поменьше беспокоить травмированную правую ногу.

- Да, Сакураги-сан, - я решил просто попробовать. - Эээ, слушай, а где Мисаки-сан?

- ...Э...

Она склонила голову набок.

- Мей Мисаки, девочка такая в нашем классе. Ну, знаешь, с повязкой на левом глазу. Она тоже освобождена?

Сакураги так и продолжала экать, склонив голову набок. Вид у нее был абсолютно переполошенный. Почему? Откуда такая странная реакция?

- Я наткнулся на нее возле нулевого корпуса на большой перемене.

Как раз в этот момент где-то вдалеке раздалось низкое, раскатистое «гrrrrrrrr». Это что, самолет взлетает? Нет, по звуку непохоже. Может, гром?

Я задрал голову и посмотрел на небо.

Отсюда, из-под дерева, оно выглядело точно таким же, как раньше, - чистое майское небо. Таким оно казалось поначалу; но оглядевшись по сторонам, я обнаружил ближе к северу зловещие тучки. Значит, то, что мы слышали, - это правда был гром?

Как только я так подумал, издалека снова донеслось то же самое «гrrrrrrrrrrrrrr».

Значит, он и есть. Весенний гром.

Может, вечером будет дождь.

На такой прогноз меня сподвиг северный край неба.

- О?

Я обнаружил что-то там, где совершенно не ожидал, и у меня сам собой сорвался вопрос:

- Кто это... вон там?

Корпус С - трехэтажное здание к северу от спортплощадки. Там, на крыше -

Кто-то стоял вплотную к ограждению. ...Это не?..

Это она. Мей Мисаки.

Осознание пришло мгновенно. Хотя с такого расстояния я никак не мог разглядеть ни ее лица, ни даже одежды.

В следующую секунду я, оставив Юкари Сакураги стоять все с тем же ошарашенным выражением лица, побежал к корпусу С.

10

Моя дышалка кончилась, еще когда я бежал верх по лестнице. Я мысленно видел рентгеновский снимок своего съездившегося легкого; однако силуэт, который я заметил от спортплощадки, интересовал меня больше.

Дверь на крышу нашлась легко.

Это была стальная дверь, покрашенная в кремовый цвет. К ней была прилеплена картонная табличка с красной надписью: «Выход без уважительной причины воспрещен».

Менее чем за секунду я принял решение проигнорировать столь туманный запрет. Дверь была не заперта. Я толкнул ее и вывалился наружу.

Чутье меня не подвело. Фигура действительно принадлежала Мей Мисаки.

На крыше школьного здания, мрачной железобетонной коробки. Одна посреди всего этого –

Она стояла, прислонясь к ограждению, на краю крыши, обращенном в сторону спортивной площадки. И смотрела в мою сторону, а значит, наверняка увидела меня сразу же. Но, не произнося ни слова, тут же повернулась ко мне спиной.

Пытаясь привести в порядок сбитое дыхание, я подошел к ней и встал неподалеку.

– Ээ, слушай – Мисаки-сан, – начал я слабым голосом. – Ты тоже освобождена от физры, да?
...Никакой реакции.

Я придвинулся на шаг, потом еще на один.

– А это нормально? В смысле, тут можно находиться?

Все еще стоя ко мне спиной, она ответила:

– Что такого? Вблизи смотреть ничуть не лучше.

– А учителя не будут на тебя орать?

– ...Вряд ли.

Последние слова она произнесла шепотом и наконец развернулась. Я увидел, что к груди она прижимает альбом размером с небольшую книжку.

– Ты ведь тоже здесь, – вернула она мне мое же замечание.

– Что такого? – скопировал я ее ответ. – Просто смотреть, как другие занимаются физрой, правда неинтересно. А ты рисуешь?

Она не ответила, лишь спрятала альбом за спину.

– Я уже сказал, когда наткнулся на тебя во время большой перемены, но... эмм, я только сегодня перевелся в класс три-три...

– Саакибара-кун, да?

– А, ага. А ты Мисаки – Мей Мисаки-сан, да? – я кинул взгляд на бейджик у нее на груди. – А как пишется «Мей»?

– Как «вой».

– Вой?

– Или «звук». Как в слове «резонанс». И в слове «крик»[6].

«Вой», значит. «Вой с видом на мыс».

– Ээ... а ты помнишь? Мы недавно встречались в больнице.

Наконец-то я сумел задать ей этот вопрос, но мое сердце по-прежнему никак не хотело биться ровно – оно колотилось, как у загнанной лошади. Его стук даже в ушах отдавался.

– В понедельник на той неделе. Я в больнице случайно вошел в тот же лифт, что и ты, а потом ты вышла на втором подвальном этаже. Ты сказала, как тебя зовут, когда я спросил. Не помнишь?

– На той неделе, в понедельник... – прошептала Мей Мисаки, и ее правый глаз, не закрытый повязкой, медленно закрылся сам. – Кажется... было такое?

– Я так и думал. Знаешь, у меня это с тех пор... из головы не выходило. И когда я увидел тебя сегодня в классе, я был просто в шоке.

– Вот как.

Короткий ответ; однако на ее тонких губах словно проступила тень улыбки.

– А зачем ты тогда спускалась на второй подвальный этаж? – продолжил я. – Ты сказала, тебе надо было что-то отнести? Но кому? Ты тогда несла белую куклу – ну, похоже было. Ты ее должна была отнести?

– Ненавижу такой допрос, – так же коротко ответила она и отвернулась.

– Ой, прости, – тут же извинился я. – Я вовсе не пытался заставить тебя отвечать. Просто...

– В тот день случилось кое-что печальное.

«Меня там ждут. Моя бедная вторая половинка».

Вроде она так сказала тогда в лифте?

«Бедная... вторая половинка».

Эти слова давили мне на мозг, но, конечно же, спросить ее об этом я сейчас не мог. А сама она

чем-то еще делиться не спешила.

Вдали снова гроыхнуло. Ветер, обдувающий крышу, казался чуток холоднее, чем раньше.

- Тебя... - вновь раздался голос Мей Мисаки, - зовут Коити Сакакибара. Правильно?

- Ага.

- Тебя это наверняка беспокоит.

- Э... эээ?

Стоп, погодите. Она что, собирается поднять ту историю?

- П-почему ты это...

Я поспешно попытался взять себя в руки. Мей смотрела молча, потом сказала:

- Ну, это же было в прошлом году как раз весной? Вся страна была в панике. И с тех пор еще и года не прошло.

- ...

- Сакакибара... Хорошо, что твое имя не «Сэйто»[7].

После этих слов тень улыбки снова появилась у нее на губах.

Честно говоря, я был ошарашен.

Давно уже об этом никто не вспоминал - и в новой школе про ту историю пока никто не заговаривал. И вот надо же - услышать это не от кого-нибудь, а от Мей Мисаки.

- Что-то не так? - Мей с любопытством склонила голову набок. - Ты не хотел, чтобы я об этом говорила?

Я попытался сказать «да мне по барабану» и сделать вид, что мне действительно по барабану, но у меня не получилось. И прежде чем хотя бы начать думать, что делать дальше -

- У меня плохие воспоминания, - я принялся выкладывать все как есть. - В старой школе в том году, когда случились те убийства в Кобэ и все начали говорить про Сэйто Сакакибару, пришлось несладко еще одному четырнадцатилетнему...

- Издевались над тобой, да?

- Нет, ничего такого серьезного, что тянуло бы на «издевательство», не было. Но...

Да... ничего такого уж плохого. Не было какой-то явной злобы, злого умысла. Все просто думали, что это прикольно...

Они писали мою фамилию теми же кандзи, которыми писал он, или звали меня Сэйто. Вполне безобидные детские шутки. Однако...

Как правило, я просто отшучивался и смеялся со всеми, но иногда я это ненавидел сильнее, чем мог вытерпеть, сильнее, чем мог сам себе признаться. А потом -

Прошлой осенью, когда я продолжал терпеть этот ежедневный груз. Тогда и случился мой первый спонтанный пневмоторакс. Может, вся та фигня насчет Сакакибары как раз послужила одной из причин. Если вспомнить все, что было, это предположение не казалось таким уж натянутым.

И когда отец уехал из Японии на год, меня отослали к бабушке с дедушкой в Йомияму – как раз потому, что отец узнал, что происходило, и проявил редкую для него родительскую заботливость. Думаю, он решил, что лучше всего мне сменить среду обитания и нажать кнопку перезагрузки своих отношений в школе, становящихся все более напряженными.

...Рассказав в общих чертах, что произошло, я не дождался от Мей Мисаки ни сочувствия, ни смущения по поводу своих слов.

– Здесь тебе уже кто-нибудь об этом говорил? – спросила она.

– Ты первая, – ответил я с кривой улыбкой. Как ни странно, на душе у меня стало поспокойнее.

Сегодня с самого утра, когда кто-то называл меня по фамилии, я напрягался в ожидании как раз этого. Такая вот ерунда. Брр. Когда я это все оформил в виде слов и произнес, мне самому это показалось редкостным идиотизмом.

– Думаю, они все просто сдерживаются, – предположила Мей.

– ...Может быть.

– Но мне с трудом верится, что они беспокоятся о твоих чувствах.

– Что ты имеешь в виду?

– Потому что фамилия «Сакакибара» прочно ассоциируется со смертью. И не со всякой смертью – а с жестокой, бессмысленной смертью, которая вдобавок связана со школой.

– Ассоциируется со смертью...

– Да, – коротко кивнула Мей и прижала волосы руками, чтобы ветер их не трепал. – Это тревожит всех. И... может быть, они сами этого не замечают. Как будто рану не хотятшний раз трогать.

– ...Что это значит?

О чем она вообще?

Я, конечно, понимаю, что слово «смерть» и все, что с ней связано, – очень зловещее и всегда пугает людей. Это очевидно. Но...

– Знаешь, в этой школе... – голос Мей звучал так же холодно и отстраненно, как и раньше, – класс три-три ближе к смерти, чем остальные. Ближе, чем любой другой класс в любой школе. Намного ближе.

– Ближе к смерти? Что это?..

Абсолютно не понимая, что она имела в виду, я прижал ладонь ко лбу. Правый глаз Мей, сосредоточенно глядящий на меня, превратился в щелочку.

- ...Ты ничего не знаешь, да, Сакакибара-кун?

Она снова развернулась лицом к спортплощадке. Прижалась грудью к бурому ограждению, слегка перегнулась через него, потом задрала голову. Стоя позади нее, я тоже посмотрел вверх, в небо. Облаков стало заметно больше.

Я вновь услышал далекие раскаты грома. Следом закаркали напуганные вороны, и я увидел несколько чернокрылых птиц, сорвавшихся с деревьев в школьном дворе.

- Ты ничего не знаешь, Сакакибара-кун, - повторила Мей Мисаки, по-прежнему глядя в небо. - Тебе никто не рассказал.

- ...Не рассказал что?

- Скоро узнаешь.

- ...

- И еще - тебе лучше не подходить ко мне.

Когда она это добавила, я стал понимать еще меньше.

- И разговаривать так вот со мной ты тоже не должен.

- Почему? Почему не должен?

- Я сказала уже, скоро узнаешь.

- Ну блин...

Не очень-то полезная информация. Я бы даже сказал, совсем бесполезная.

Пока я пытался найти что сказать, плохо понимая, как вообще реагировать, Мей Мисаки молча развернулась. Прижимая альбом к груди, она прошла мимо меня и направилась к двери.

- Пока, Са-ка-ки-ба-ра-кун.

Я тут же застыл на месте, будто она на меня какое-то заклятие наложила; правда, тут же я его стряхнул и двинулся за ней. В школьном дворе снова закаркали вороны.

В моей голове сам собой всплыл один из «принципов», которые сообщила Рейко-сан накануне.

Если, уходя со школьной крыши, слышишь воронье карканье, нужно шагнуть на лестницу...

Правой, что ли, ногой? Или левой?

Которой из двух? Да, точно, левой... Пока я все это обдумывал, Мей решительно открыла дверь и вошла.

Она шагнула правой ногой.

После шестого урока дождь таки пошел. Хороший такой, мощный вечерний ливень вне сезона.

Я принялся собирать вещи, волнуясь, что надо идти домой, а у меня нет зонта, и тут в сумке завибрировал мобильник (я заранее отключил звуки). Звонила бабушка.

- Я выезжаю, чтобы тебя забрать. Подожди меня у дверей школы.

Слышать это было приятно, но я тут же ответил:

- Все нормально, ба. Когда ты сюда доедешь, думаю, будет уже просто капать.

- Что ты такое говоришь, ты же только поправляешься. А если ты промокнешь и схватишь простуду?

- Но...

- Никаких «но», Коити-тян. Ты ждешь, пока я за тобой не приеду, договорились?

И она отключилась. Я огляделся и вздохнул.

- Эй, Сакакибара! У тебя мобилка есть? – тут же обратился ко мне кто-то. Тэсигавара. Он покопался во внутренностях своей формы и вытащил белый телефон с яркой ленточкой.

- Будем перезваниваться. Какой твой номер?

В средних школах немногие имели собственные сотовые. Даже в Токио они вместе с телефонами PHS[8] встречались где-то у каждого третьего ученика, не больше.

Пока мы обменивались номерами, я кинул взгляд на парты у окон. Парта Мей Мисаки пустовала.

Я дождался, пока Тэсигавара убрал свой телефон в карман, и сказал:

- Можно я спрошу кое о чем?

- Мм?

- Насчет той девчонки, Мисаки, которая сидит вон за той партой.

- Хммм?

- Она странная какая-то. Что с ней вообще?

- Ты хорошо себя чувствуешь, Сакакибара? – он склонил голову набок, и лицо его стало серьезным как никогда. – Давай соберись!

Он крепко хлопнул меня по спине и тут же быстро ушел.

Я тоже вышел из класса и направился в сторону корпуса А и главных ворот. В холле я наткнулся на помощника классрука Миками-сэнсэй.

- Ну, как прошел день, Сакакибара-кун? Что ты думаешь о новой школе?

И она искренне улыбнулась. Я смущенно ответил:

- Ээ, думаю, я справлюсь.

Миками-сэнсэй энергично кивнула.

- У тебя есть зонт? На улице дождь.

- Это, бабушка - ну, в общем, мне бабушка сказала, что заедет за мной на машине. Она мне на мобильный позвонила минуту назад.

- Ну, тогда все хорошо. Береги себя.

Всего пятнадцать минут спустя бабушкин черный «Седрик» появился из-за завесы дождя (который, правда, успел немного ослабнуть) и подъехал к дверям школы.

У входа еще тусовалось несколько человек, которые не могли уйти из-за неожиданного ливня. Я быстренько юркнул на пассажирское сиденье машины, словно сбегая от их взглядов.

- Ты молодец сегодня, Коити-тян, - сказала бабушка, кладя руки на руль. - Как ты себя чувствуешь, ничего не болит?

- Не, все хорошо.

- С ребятами из класса ты поладишь, как ты думаешь?

- Ну... наверно.

Мы отъехали от школьного здания и медленно направились по скользкой дороге к воротам. И пока мы ехали -

Я глядел в окно, прилипнув к стеклу, и вдруг увидел ее. Дождь уже поутих, но все же это была далеко не морось, а она шла себе без зонта, одна. ...Мей Мисаки.

- Что-то не так? - спросила бабушка, выезжая из ворот. Видимо, моя реакция чем-то привлекла ее внимание. Хотя я молчал, окно не открывал, вообще ничего не делал.

- ...Не, нормально все. Не беспокойся, - ответил я и, крутанувшись на сиденье, посмотрел назад. Там...

...Мей уже не было. Она как будто растворилась в дожде. Так мне тогда показалось.

[1] Татами - соломенные маты, которыми в Японии традиционно застилают полы домов. Татами же служат единицей измерения площади застилаемых ими комнат. Размер татами регламентирован: 90x180 см. Соответственно, комната на восемь татами имеет площадь 12.96 м².

[2] Роман Стивена Кинга «Мизери».

[3] Бэнто - в Японии однопорционная упакованная еда; традиционно включает в себя рис, рыбу/мясо и овощи в общей коробочке с крышкой. Типичный обед «на вынос» школьников, студентов и офисных работников.

[4] Аристократический «оттенок» фамилии Тэсигавара придает то, что она в оригинале пишется четырьмя кандзи. Большинство японских фамилий пишется двумя кандзи.

[5] Имеется в виду зариновая атака в токийском метро, устроенная сектой Аум Синрикё 20 марта 1995 года.

[6] Кандзи «мей» входит в слова «кёмей» (резонанс) и «химей» (крик).

[7] Речь идет о напугавших происшествиях в Кобэ: 14-летний школьник, известный под псевдонимом «Сэйто Сакакибара», в марте и мае 1997 года убил двух учеников начальной школы, причем одному из них отрезал голову. Действие «Another» происходит в 1998 году, а значит, главный герой – не только однофамилец, но и ровесник того Сакакибары.

[8] PHS – стандарт мобильной связи, использовавшийся в основном в Японии, Китае и на Тайване. Сейчас почти не применяется.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883194>